

сила, и сказал: «Се умираю днесь преподобных ради Василия и Федора». И в этом князе легенда не показала ничего, характеризующего его как государственного деятеля, зато самоуправство, жадность и жестокость выявлены весьма убедительно.

Повесть временных лет отметила под 1099 г. лишь самый факт смерти Мстислава Святополчича 12 июня во Владимире Волынском, где он защищался от осадившего город князя Давида Игоревича. Во время одного из приступов, когда вражеские «стрелы идяху акы дождь», Мстислав «внезапу ударен бысть под пазуху стрелою, на заборолех, сквозе дску скважнею и сведоша и, и на ту ношь умре». Об этом повествует летопись под 1097 г., ни словом не намекая на то, что стрела, от которой умер князь, была его собственная, притом именно та, которой он стрелял в старца Василия. Очевидно, эту легенду летописец не счел возможным вставить в свой рассказ. Но если сама легенда о смерти князя от собственной стрелы была одной из многих, подтверждавших особую силу Киево-Печерского монастыря (князь наказан за насилие над печерским иноком), то портрет князя, жадного, подвергающего жестоким пыткам старцев, будто бы скрывающих сокровища, дорисовывает летописный образ князя, мужественно защищающего свой удельный город. Легенда присочинила «божественное наказание» князю, но вряд ли выдумала самый рассказ о его попытке завладеть «варяжским» кладом.

Внеся поправки и дополнения в некоторые летописные портреты князей, патеричные рассказы осудительно отзывались и о других представителях феодального класса. «Неправедный судья», взяв «мзду»-взятку от «извозников», приказывает несправедливо Федору уплатить «наймитам», за которых по приказу старца «беси» перенесли весь монастырский строительный лес с берега Днепра «на гору» (стр. 118). «Властелин» берет взятку с инока Григория за то, чтобы отпустить обокравших Григория и прощенных им воров (стр. 97). «Княжий съветник, болярин» (в рассказе о Федоре и Василии) «лют и свереп, неподобен нравом и деломь и всею злобою» польстился на зарытое «сокровище», о котором ему рассказал бес в облике Василия (стр. 118). «Отроки княжеские» издеваются над старцем Григорием (стр. 98). И даже в миру владевший богатством и развавший его нищим перед пострижением Федор, устав от монастырского «воздержания», жалеет о потере имущества, готов тайно увезти найденное «сокровище» на «ину страну», чтобы там купить «села» (стр. 115). «Мирские» привычки берут временно в нем верх над монашескими обетами. Богатый «Арефа полочанин», принеся в монастырь все свое богатство, до «видения», в котором ему представились ангелы и «бесовские полки», спорившие о его душе, оставался и в монашестве тем «немилостивым богатым», которых осуждала религиозно-дидактическая литература. Заподозренных несправедливо в краже своего богатства он отдал на пытки, а на увещевания братии «жестокими словесы всем досаждаше» (стр. 88).

Народ, в летописи составляющий «неизменный и безличный фон, на котором с наибольшей яркостью выступает фигура князя»,³¹ в Киево-Печерском патерике появляется в лице отдельных, индивидуально различных персонажей и групп. В житии Феодосия «отрок возница», которому поручено было ночью отвезти Феодосия из города от князя в монастырь, просит инока дать ему возможность поспать на возу, мотивируя свою просьбу ссылкой на усталость от работы (стр. 34). В его просьбе звучит и оценка трудовым народом монашеской жизни как «праздной». В рас-

³¹ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 44.